

Услышав холодный, безучастный вопрос Хан Сиэня, Бай Шу на мгновение растерянно замер, а затем упрямо зарылся лицом в подушку, словно эта детская попытка спрятаться могла защитить его от чужого равнодушия.

Хан Сиэнь лишь слегка прищурился.

Вскоре из-под одеяла донёлся глухой, приглушённый голос юноши:

— Знаю, что тебе всё равно. Но ничего не могу с собой поделать — это мои чувства. Если бы в твоём сердце уже кто-то занимал место, будь то женщина, гэр или другой мужчина, я бы и слова не пикнул. Не стал бы портить тебе жизнь. Но ведь ты совсем один.

Последние слова Бай Шу произнёс совсем тихо, словно шептал их самому себе, или же пытался достучаться до человека с ледяной душой, доверяя ему сокровенную тайну.

Спустя долгое время он наконец приподнял голову и, упрямо глядя Хан Сиэню прямо в глаза, твёрдо произнёс:

— Я люблю тебя. Для меня одного этого уже достаточно. И даже если ты никогда не полюбишь меня в ответ — пусть так. Всё в порядке.

Хан Сиэнь отвёл взгляд и слегка потёр висок. В его мыслях невольно отзывался тот безмолвный, отчаянный крик, что рвался из самой глубины души Бай Шу. Попытавшись отстраниться от этого удушающего напора чужих чувств, Хан Сиэнь заговорил как можно спокойнее:

— Сейчас ты рассуждаешь именно так. Но наступит день, когда эти чувства переполнят тебя, и скромного «просто любить» станет мало. Никто в этом мире не способен бесконечно растрачивать себя на безответную привязанность. Бай Шу, ты ещё слишком молод. Тебе не стоит связывать себя с кем-то вроде меня.

Юноша опустил ресницы, даже не думая спорить, лишь тихо заметил:

— Хан Сиэнь, ты ведь никого не любишь. Тебе на всё плевать: на доброе имя, на власть и влияние, даже на собственную жизнь. И в этом огромном мире никто, кроме меня, не будет любить тебя так сильно.

«Если даже я отступлюсь, что с тобой станет? — тоскливо подумал Бай Шу. — Ты так и будешь влачить это одинокое существование, не зная ни искренней радости, ни глубокой скорби. Твои дни превратятся в унылое прозябание, пока в один прекрасный день смерть тихо не заберёт тебя. Ты уйдёшь в тишине, окружённый служанками и слугами, но рядом не окажется того, кто дорожил бы тобой всем сердцем.

А до меня лишь спустя время долетит весть о твоей кончине. Я услышу знакомое имя, покачаю головой, вспоминая былое. Может, всплакну от нахлынувшей грусти. Но пройдет пара дней, и моя жизнь, в которой давно не осталось места этой глупой любви, потечёт своим чередом. Я позабуду тебя, ведь между нами так ничего и не сложилось.

И ты до самого конца останешься бесконечно одиноким».

От этих мыслей у Бай Шу щемило в груди. Представить, что Хан Сиэню суждено состариться в безмолвном одиночестве, было невыносимо. Разве мог он допустить такое?

При первой же встрече он понял, что этот человек не похож на остальных. За несколько лет Хан Сиэнь сумел занять все его мысли, став самым дорогим существом на свете. И отказаться от него сейчас, лишив его жизнь последних красок, Бай Шу просто не мог.

С трудом справляясь с подступившим к горлу комком, он прошептал:

— Да, я мужчина, и мои чувства противоречат всем законам приличия. Но мне дела нет до продолжения рода, как и тебе. Тебя ведь не тошнит от меня? Так почему мне нельзя любить тебя?

Бай Шу хотел выразить совсем иное, но с языка слетели лишь эти неуклюжие фразы. Он смотрел на Хан Сиэня и думал: «Разве может такой невероятно красивый человек быть обделён теплом в этой жизни? Это же несправедливо. Так пусть хотя бы моя любовь будет с ним».

У Хан Сиэня едва ли не физически заболело в груди — настолько отчётливо в его сознании отзывались искренние, чистые помыслы Бай Шу. Впервые в жизни, глядя на это слегка обиженное, но решительное лицо, он не нашёл что ответить.

Он всегда знал, что Бай Шу прямодушен: что на уме, то и на языке. Но Хан Сиэнь полагал, что даже осознав свои потаённые чувства, юноша до последнего будет скрывать их.

В конце концов, они оба мужчины. Это не союз мужчины и гэера, который общество приняло бы как нечто само собой разумеющееся, благословив их брак.

Но Бай Шу оставался верен себе. К тому же после трагедии с семьёй Бай Вэньхань и его младший брат давно перестали беспокоиться о продолжении рода. Хан Сиэнь на мгновение даже усомнился, не зря ли он в своё время предал огласке тайную связь Бай Цзюня и вдовствующей императрицы.

Впрочем, сожаления сейчас мало чем могли помочь. Хан Сиэнь посмотрел в эти ясные, полные надежды глаза. Он не стал прикрываться ложью о том, что в будущем непременно женится на знатной девице или гэере, чтобы раз и навсегда отвести юношу.

Когда-то в прошлой жизни он уже любил мужчину — любил слепо, отдавая всего себя, пока то чувство не обернулось грязным предательством, заставив его навсегда разочароваться в людях и самой любви. Но даже теперь опускаться до дешёвого обмана, чтобы отвергнуть искренность, Хан Сиэнь считал ниже своего достоинства.

Бай Шу ловил каждое изменение в лице собеседника. Он не понимал, какие призраки прошлого тревожат сейчас разум Хан Сиэня, но это выражение глубокой печали ему ужасно не понравилось.

— Хан Сиэнь, давай не будем сейчас об этом, хорошо? — тихо попросил он. — У меня спина разболелась. Очень спать хочется.

Хан Сиэнь не удержался от сухой усмешки:

— Раз так больно, зачем было лезть на рожон?

Бай Шу и не подозревал, что его хитрость давно разгадана, а потому решил, что вопрос касается лишь его стычки с заместителем командующего. Он поспешил оправдаться, хотя и утаил часть правды:

— Этот Чжоу Жань говорил о тебе мерзости. С моими силами я мог бы искалечить его на месте, но не стал — всё-таки он числился безупречным заместителем командующего. Но и спустить оскорбления с рук я тоже не мог, вот и зацепил мечом.

В его голосе на миг прорезались опасные, холодные нотки.

На самом деле, будь Бай Шу прежним, он никогда не решился бы на подобную провокацию. Но сейчас им двигало эгоистичное желание растрезвожить чувства Хан Сиэня, заставить его сопереживать.

Никто не желает любить безответно. Но Бай Шу понимал: с таким человеком, как Хан Сиэнь, спешить нельзя. Ему потребуются ангельское терпение и время. Главное — чтобы Хан Сиэнь не отталкивал его. А там, капля за каплей, он сумеет пробить этот лёд.

Разумеется, делиться этими планами вслух Бай Шу не собирался. Главное — не лгать, а утаить часть мыслей грехом не считается. Так, по крайней мере, он себя успокаивал.

Хан Сиэнь нахмурился, вглядываясь в это до невозможности чистое, невинное лицо. В душе шевельнулось странное предчувствие. Однако выдавать свои подозрения он не стал. Посмотрев в окно, где из-за непрекращающегося дождя небо заволочло серыми сумерками, он негромко произнёс:

— Ливень затянулся. Тебе только что обработали рану, береги её от сырости. Оставайся здесь и

отдыхай.

Заметив, что Хан Сиэнь собирается уходить, Бай Шу рывком приподнялся на локтях:

— Хан Сиэнь, но ведь это твоя комната! Куда же ты пойдёшь?

В мыслях юноши тут же всплыло воспоминание о том, как однажды — когда он ещё толком не разобрался в себе — Хан Сиэнь позволил ему остаться и они провели ночь в одной постели. Теперь, когда всё высказано напрямую, делить комнаты казалось ему шагом назад.

Хан Сиэнь глубоко вздохнул:

— Бай Шу, из уважения к твоей ране я проявляю терпение. Но не наглей. В усадьбе полно свободных комнат. Если тебе так нравится эта постель — оставайся, а я устроюсь в другом месте. Как только распогодится, я велю твоему брату забрать тебя.

Бай Шу тут же сел, поспешно спуская ноги на пол:

— Нет, Хан Сиэнь, это твоя комната, ты привык к своим вещам. Лучше я уйду в гостевые покои.

— Что ж, так даже проще, — без колебаний согласился Хан Сиэнь.

Бай Шу замер на месте. Он понимал, что напрашиваться глупо, но на душе всё равно стало невыносимо горько. Подобно тысяче мелких игл, безответная любовь колола самое сердце.

Он вспомнил слова Хан Сиэня о том, что безответные чувства калечат душу, и упрямо подумал: «Нет, я ни за что не отступлю».

Он стоял посреди комнаты с поникшей головой. Раненая спина глухо ныла, уходить не хотелось, но и причин остаться не находилось. Юноша выбрал самое простое средство — безмолвно стоять, выражая всем своим видом немую мольбу.

Для Хан Сиэня это молчание походило на мягкое, но непреклонное принуждение. И всё же он сдался.

Потому что перед ним стоял Бай Шу. Тот самый юноша, которому он когда-то задолжал серебряную монету; тот, кто пролил за него кровь. Хан Сиэнь сам позволил ему приблизиться, сам взрастил эти семена, и теперь пожинал плоды собственного выбора.

Закрыв глаза, он негромко произнёс:

— Ложись обратно. Я никуда не уйду.

Бай Шу получил то, чего так страстно желал, но радости не ощутил. В голосе Хан Сиэня сквозила безграничная, глубокая усталость.

Юноша сник. Когда он упрямылся — Хан Сиэнь сердился. Когда уступал — самому Бай Шу становилось тошно. Найти золотую середину никак не получалось.

Бай Шу лежал на животе, прикрыв глаза, а Хан Сиэнь сидел у стола. Тихий шелест переворачиваемых страниц нарушал полумрак комнаты, свидетельствуя о напускном спокойствии хозяина.

Сам же Хан Сиэнь был крайне недоволен своей минутной слабостью. Подумаешь, чьи-то чувства. С каких пор он стал столь податлив чужому влиянию?

Бай Шу долго не мог уснуть, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Уже проваливаясь в сон, он еле слышно пробормотал:

— Хан Сиэнь, прости... Я не нарочно.

При колеблющемся свете свечи пальцы Хан Сиэня, державшие страницу, на миг замерли. Взгляд его потемнел. За окном шумел непрекращающийся дождь.

Эту ночь Бай Шу провёл в тревожном забытьи. Хан Сиэнь так и не сомкнул глаз, карауля его сон и помогая вовремя выпить тёплое лекарство.

Наутро небо наконец прояснилось. Хан Сиэнь тут же отправил гонца в военный лагерь к Бай Вэньханю с просьбой забрать младшего брата.

Однако ответ генерала застал его врасплох. Безумно опекавший брата Бай Вэньхань передал через слугу, что в лагере сейчас неспокойно из-за обилия военных хлопот, и раненому Бай Шу там будет несладко. Он просил Хан Сиэня приютить юношу ещё на какое-то время, пообещав лично забрать его, как только раны полностью затянутся.

Это решение оставило Хан Сиэня в замешательстве. Бай Шу же, напротив, едва сдерживал сияющую улыбку.

В итоге походную постель в комнате Хан Сиэня вновь разложили на прежнем месте.

Бай Шу без лишних споров устроился на ней. И пусть они спали не в одной постели, возможность находиться в одной комнате с любимым человеком полностью его устраивала.

Пока раны Бай Шу постепенно затягивались, отряд Третьего принца Цзи Ло, покинувший столицу, продвигался всё ближе к границам Сицзяна.

Всю дорогу Цзи Ло пребывал в глубоких раздумьях. В провинциях, близких к столице, слухи о Хан Сиэне воспринимали как нелепую шутку, величая его безродным уродом, которому вовек не найти себе пару.

Но чем ближе они подходили к Сицзяну, тем усерднее местные жители уверяли, что молодой маркиз обладает неопишуемой, почти неземной красотой. Цзи Ло лишь качал головой, посмеиваясь над столь противоречивыми толками.

К счастью, путешествие близилось к концу. Скоро он лично увидит, какое лицо скрывает Хан Сиэнь под своей вечной маской.

<http://bllate.org/book/20088/2002093>